

Ткаченко
(1025)

Александр

6. 11.02

Поэт в России все-таки поэт

Александр Ткаченко «ИЗБРАНЬ».
М., ПИК, 2002

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

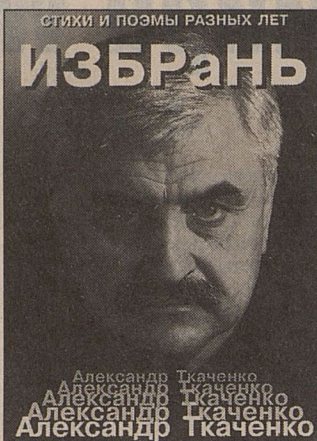
Он утверждает, что «в каждом из нас разрушается Карфаген / тысячи лет назад и сегодня». У Александра Ткаченко множество Карфагенов. Он был (а в душе и остался) известным футболистом. Он стал (а в душе все время становился) очень современным поэтом. Он правозащитник (и в душе, и в жизни). Он генсек русского ПЕН-клуба (а в душе все равно футболист и поэт). Однако друга Ткаченко, а их бесчисленное множество среди писателей США, Франции, Испании, Канады, Германии и, конечно же, России, знают, что он прежде всего поэт.

Когда его родина — его Крым — его Карфаген оказался за границей, в другом государстве, он стал кричать: «Никакой Карфаген не сравнить / с той разрушенной мною страной, / заколоченной в звезды и птицы». Я очень люблю его поэму «Моль», где слово «моль» преобразается в молитву. «В молитве — моль, а в моли снег, / а в снеге скорпись, хотя и пишет набело».

Современных поэтов мало, хотя даже в нашем ПЕНе их не меньше, а в союзах всевозможных писателей по-прежнему тысячи. Что это значит — быть современным поэтом? Ну прежде всего надо перестать ломиться в открытую дверь, что было весьма свойственно советской поэзии. Если уж ломиться, то сквозь бесконечность. Проламываться в иные миры. «Не надо, приятель, о том горевать / и врать наярив из вечных картин». Не правда ли, хорошо сказано? На смерть Сахарова Ткаченко написал такие внешне бесхитростные стихи: «Снег играет на виске / мокро-синий. / Гроб гуляет по Москве, / по России». Так он до сих пор и гуляет, тот гроб с телом Сахарова... А за ним до сих пор гуляют гробы с телами Ленина, Сталина, Брежнева и Андропова.

Среди разрушенных Карфагенов Ткаченко есть еще и годы учения на физтехе и два года на Высших литературных курсах Литинститута. Там я читал ему спецкурсы по Толстому, по Достоевскому, а потом за стаканчиком, за бутылочкой вел тайные разговоры о метамафоре. Как всякий поэт, он все понимал и все переиначивал абсолютно по-своему. «Моря переселились в города и деревни, / дно обнажило цивилизации глаз». Вы спросите, что сие означает? На этот вопрос нет ответа, потому что в поэзии, как говорил еще Тютчев, везде вопрос, а не ответ. Вопросы Ткаченко умеет задавать изысканные и утонченные: «Что если я не современник? / И, выдумав себя, я выдумал и время». Он действительно что-то все время выдумывает, и это что-то часто оказывается поэзией. Поэзия — это, как вся культура, выдумка, да еще какая. Мы часто забываем об этом и начинаем искать в поэзии то, что ей претит, — «правду жизни».

Ткаченко настоящий, стопроцентный экзистенциалист. Он острее многих и многих чувствует свое отсутствие в мире. «Нельзя возвра-

щаться на старое место, / ибо все идет здесь так, / будто ты здесь никогда не бывал...». Он ощущает себя в уходящей цивилизации, которая делает все возможное, чтобы уйти от человека, все время мешающего быть величественной и главной. «Мне снится Форум печаль, / его саморазрушенные храмы». Этот поэт ни на кого не похож, потому что всем подражает. Не передразнивает, а подражает. Это абсолютно разные вещи. В его поэзии эхо и отголоски многих и многих современных поэтов мира, с которыми он дружит, играет в футбол, пьет джин-виски-водку-коньяк-текилу, закатывает мировые конгрессы, где все со всеми спорят до посинения, и пишет стихи. «Постоянно — / в прошлом, будущем и сейчас / что-то работает против нас... / самое удивительное — и ничего у них пока не выходит».

Я помню, как почти три года назад сидели в ПЕН-клубе напротив Владимира Путина Александр Ткаченко, Фаиль Искандер, Андрей Вознесенский, Юнна Мориц, я и Григорий Пасько. Ткаченко спрашивал у Путина: «Ну какой же Пасько шпион?», а Путин отводил глаза в сторону и витиевато намекал, что все равно надо Пасько опять посадить в тюрьму. И посадили. «Медленно, медленно, медленно, / вижу навечно заносят топор...». Поэт в России больше, чем всё. Больше, чем футбол, больше, чем права человека, больше, чем вся поэзия. Поэт в России — это образ жизни и образ смерти. Поэзия — это, если хотите, умение быть всегда уязвимым. «Пока весна еще шумит в окне / во весь размах своих цветов на стеблях / свежих, / пока еще зовут и отзываются во мне / на ненависть — любовь, / на грубость — нежность».

Любой поэт, сколько бы он ни писал, в конечном итоге пишет одну-единственную и главную книгу. Иногда ее удается издать еще при жизни. Теперь чукча не писатель, чукча читатель. Теперь он имеет право читать и перечитывать самого себя. «И с отвращением читая жизнь мою», — написал когда-то Пушкин об этом моменте. Не знаю, как будет читать, вернее, перечитывать себя Ткаченко, но знаю, как прочел его Геннадий Айги. Прочел и запечатлел в стихе, посвященном собрату-поэту: «И в дебрях современности Излучение простоты / Скоростью — в одну жизнь / И в одну поэзию! — Будто — лучи до поляны».

184